

ОДНУ из своих немногочисленных прижизненных публикаций Татьяна Григорьевна Гнедич назвала «Наш Пушкин». Эти слова она нашла не первая... Но «лицейской музы младшая сестра», Т. Г. Гнедич с полным правом могла в день 175-летия своего «земляка» по Царскому Селу выбрать их заголовком к статье в районной газете. Здесь, в Городе муз, окно в окно с мемориальной дачей Китайской, вернувшись после долгого несправедливого заключения, она прожила последние свои годы, тяжело болея, меняя больницы...

Но в тот солнечный день она не думала о себе. В такое же лучезарное утро восемь лет назад был дан старт первому Всесоюзному пушкинскому празднику поэзии.

«ЛИЦЕЙСКОЙ МУЗЫ МЛАДШАЯ СЕСТРА»

Вет. Ленинград. — 1990. — Минск.

В памяти еще не угасла встреча с И. Л. Андрониковым, Б. Полевым, М. Дудиным, В. Рождественским, которым она у памятника Лицейству передала эстафету праздника, и тогда же он продолжился в Михайловском, Кишиневе, Одессе, Москве... Татьяна Григорьевна была горда: она была в числе инициаторов давно лелеемого почина.

Но свой главный жизненный подвиг она совершила в сталинских лагерях. Ленинградцы да и вся страна узнали о нем, к сожалению, только тогда, когда после XXII съезда КПСС в «Вечерке» появилась статья «Один листок перевода», перепечатанная тотчас в «Известиях». Перевод байронского «Дон-Жуана», 16.000 стихотворных строк, был сделан ею в условиях, хорошо теперь известных нам по романам А. И. Солженицына. В следственном изоляторе в течение двадцати двух месяцев, поддерживая твердость духа, она поочередно вспоминала и декламировала бессмертные строфы «Онегина», этого «москвича в гарольдовом плаще», наизусть воспроизводила главы английского подлинника поэмы Байрона.

Это была ее первая творческая присяга Пушкину. Это он восхищался переводом «Илиады», сделанным Н. И. Гнедичем, родичем Татьяны Григорьевны. Пушкин «указал» ей и на Байрона.

Верность двум великим гениям, России и туманного Альбиона, она пронесла сквозь всю жизнь. Переложенный Н. Акимовым «Дон-Жуан» стал постоянным спектаклем Театра комедии. Пушкин? Ему она посвятила не одно свое оригинальное стихотворение. К сожалению, как правило, они писались «в стол». Стать переводчицей, даже «блестящей», как назвал Гнедич М. Дудин, режим ей позволял, но стать самостоятельным поэтом — не было позволено. Мне известно, что только в журнале «Простор» при жизни Татьяне Григорьевне повезло опубликовать ка-

кие-то отрывки из поэмы «После Возмездия». Сохранились у меня и у некоторых пушкинских краеведов пожелтевшие номера газеты «Берег», в которой были напечатаны уже упомянутая статья и три-четыре стихотворения из цикла «Поэту. Венок сонетов». Вот строфы из них, посвященные Н. Пушкину:

Вскарабкавшись,
как школьник на леса,
На крутогоре отроческой
славы,
Подросток сероглазый
и вертлявый
Произносил литые слова.
Ему внимал, взвешив
волоса,
Державный бард Фелициной
державы
И прорицал над головой
курчавой
Олимпа золотые небеса.

В другой газетной подшивке удалось натолкнуться на стихи, посвященные «Девуш-

времени стрски:
Как тяжело отечеством
назвать
Страну еще не тронутых
Бастилий!
Не вызывает сомнения направление и других стихов юной Гнедич: о петербургской Бастилии — Петропавловке. В том же 30-м году поэте рисуются образ крепости-дракона:

Словно вот, разговевшись
надолог и властью,
Православной пресытившись в
требу,
Устремив к облакам
игливанную пасть,
Ящер нюхает герое небо...

Зловещий образ каземата возникает и в стихотворении 1934 года памяти С. М. Кирова:

...ужасом затаенным
Ночь замыкается.

В «Бенке сонетов. Поэту», замечательном произведении, ожидающем оценки критиков и литературоведов, словно подводя итоги своего титанического труда, определяя свое место в ареопаге русской поэзии, Гнедич провидчески утверждает:

Твой стихи большим
поджогом тлеют,
Еще твой час урочный
не настал...
Но, обоженный музою
твоею,
Тревожится — растет
девятый вал...

Да, это так. Место на Парнасе для Гнедич свободно. Дело за немногим: по достоинству оценить ее творчество не только как «блестящей переводчицы», но и блестящего, в лучшем смысле этого ответственного слова, поэта.

Она не дожидаясь двух-трех месяцев до выхода своей первой и единственной книжки, «Этюды и сонеты», сборник, в который вошли очень многие стихи, через несколько дней стал библиографической редкостью. Это было в январе 1977-го. С тех пор о ней перестали писать. Между тем, очевидно, где-то находятся сотни, а может, даже и тысячи не переводческих, а самобытных, зрелых строк ее «тлеющих большим поджогом» стихотворений.

В статье «Наш Пушкин» Гнедич писала: «6 июня 1799 года, 26 мая по старому стилю — в Москве, у майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр...»

Родиться в мае — всю жизнь маяться! — говорили тогда в народе...

Да, он маялся всю жизнь. Маялся своим гением, принадлежностью ко всем бурлям, скорбям и чаяниям своего времени, постоянным конфликтом с окружающей средой... Да, в Москве родился талантливый мальчик... Но в Царском-сельском лицее... родился и вырос великий русский поэт, поэт-декабрист, юный писатель, соратник Байрона, смутившего своим тираноборческим гением всю Европу.

Этим двум титанам и посвятила свой подвизнический труд Татьяна Гнедич. Свою статью она кончает многозначительной фразой: «Таковы законы связи времен!». Да, эти связи, как мы ощущаем, направлены не только в прошлое, но и в сегодняшний день, и во времена будущее, когда, как пишет Гнедич, люди осуществляют свои «прогрессивные чаяния» и почувствуют «общечеловеческую значимость своих замыслов».